

Отзвук этих рассуждений Н. И. Тургенева и слышится в книге Гюго. Поэт с осуждением говорит о монархизме историка, о его восхищенно-любовном отношении к царям. Но вместе с тем отмечает, что славословит он царей извиняющимся тоном: «Карамзин лишен всякого пыла, какого бы то ни было воодушевления, его энтузиазм охлажден, его восторги унылы, его рвение сковано, он ласкает окоченевшими пальцами».¹⁷

Вот почему труд Карамзина-историка кажется Виктору Гюго знаменем времени. Деятельностью Карамзина, полагает он, завершается линия европейской историографии, «основанной на повиновении». Деятельность Карамзина предвосхищает наступление новой эпохи, когда история из живописного полотна станет зеркалом и отблеск минувшего озарит будущее, которое — в конце концов — принесет человечеству вождеденную победу света и добра.

Несомненно, в книге Гюго о Шекспире и тем более в его творчестве вообще «карамзинский эпизод» не занимает сколько-нибудь существенного места. Это всего лишь факт, подтверждающий его оптимистическую концепцию, всего лишь пример — и притом один из многих. Но самое обращение французского поэта к Карамзину весьма интересно и показательно, будучи проявлением все возраставшего тогда в Западной Европе внимания к русской литературе и культуре в их настоящем и прошлом.

генов о России 30--50-х годов XIX в.). Уч. зап. Марийского пед. инст. им. Н. К. Крупской, 1965, т. XXVII, стр. 119—233.

¹⁷ [V. Hugo]. William Shakespeare, p. 545.